R 146/301

Р 146/301

Ю. ЛАРИН

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

В 146/301

801-90
8730-Х

Ю. ЛАРИН

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ СССР

XXVII-54916
ЛКИ-54916

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1927 * ЛЕНИНГРАД

«Мосполиграф». 14-я тип.
Москва, Варгунихина гора, 8.
Главлит № А—694.
Гиз № 24.200.
Тираж 15 000.

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
4						1	906	

Зак 828

1416

Лицо деревни к десятилетию Октября. [1])

Доля сельскохозяйственного населения во всем населении СССР сравнительно с довоенной начала у нас последнее время понижаться. С 1924/25 г. по 1926/27 г. около шести миллионов человек перешли (по основному источнику своего дохода) от сельскохозяйственных занятий к несельскохозяйственным. Это значит, что с 1924/25 г. у нас начало наблюдаться *рассасывание аграрного перенаселения*. Все „избыточное" население в сельском хозяйстве составляет еще около 15 миллионов человек.

Население современной деревни, составляя около 122 миллионов человек, состоит из трех основных социальноклассовых групп: пролетариев, мелких производителей (бедняки и середняки) и кулаков (капиталистическая группа).

В современной деревне около одной девятой части жителей приходится на несельскохозяйственное население (фабричные рабочие, кустари, учителя, отходники

[1]) По материалам особой правительственой комиссии, закончившей работу 25 октября 1927 г. Все приводимые в этой главе цифры представляют собой положение в последнем, только что минувшем 1926/27 хозяйственном году.

и т. д., в той их части, какая получает доход преимущественно не из сельского хозяйства, а из несельскохозяйственных занятий).

Основную массу сельскохозяйственного населения образуют хозяйства мелких некапиталистических производителей (преимущественно самостоятельных и в части зависимых). Эта группа среди сельскохозяйственного населения составляет около 90% (середняки и бедняки, вместе около 99 миллионов человек). Эта группа мелких деревенских производителей характеризуется тем, что преобладающая часть совокупности дохода семьи извлекается из ее собственного трудового сельского хозяйства.

Центральную часть этой группы мелких производителей составляют хозяйства середняков (около 77 миллионов человек). Середняки занимают господствующее в экономике сельского хозяйства положение.

Середняк имеет собственную рабочую силу, соответствующую в основном об'ему хозяйства и средствам производства, необходимым для ведения самостоятельного хозяйства. Размеры середняцкого хозяйства различны в зависимости от особенностей района и системы производства. Подавляющее большинство середняков не сдает и не нанимает землю и рабочую силу. Небольшая часть середняков арендует землю, в некоторой части сдает инвентарь, а также нанимает недостающие средства производства. Часть середняков, наиболее обеспеченная средствами производства (усовершенствованный инвентарь, большое количество скота), прибегает к найму рабочей силы в отдельные моменты напряжения сельскохозяйственных работ и в размерах, неизменяющих основной социальной сущности хозяйства. То есть подавляющую часть трудовых затрат

в своем хозяйстве и в этом случае производит силами своей семьи.

Наименее обеспеченный средствами производства слой мелких производителей (безлошадные, безинвентарные),—беднота—обнимает несколько свыше 22 миллионов человек. Они имеют доход от сельского хозяйства, недостаточный для покрытия потребностей семьи. Вследствие этого хозяйство прибегает к частичной продаже рабочей силы и к неземледельческим промыслам трудового и пролетарского типа, оставаясь в основном хозяйством мелких производителей. Беднота, как правило, обрабатывает свою землю чужим рабочим скотом и инвентарем и является главным поставщиком сдаваемой в аренду земли.

Доля *середняков* значительно (более чем вдвое) увеличилась в сравнении с предреволюционным временем. Она и в последние годы (1924—1927 гг.) не обнаружила тенденций к уменьшению. Наблюдается частичный переход в высшие группы на ряду с некоторым пополнением из бедняцких слоев.

Беднота сократилась, сравнительно с дореволюционным временем, в первые же годы революции, *и продолжает сокращаться и в годы нэп'а*, переходя к несельскохозяйственным занятиям и в меньшей степени в середняки и в сельскохозяйственный пролетариат.

Вторым основным классом современного сельского хозяйства СССР является пролетариат, отчасти эксплоатируемый капиталистически, отчасти выполняющий работу в хозяйстве мелких производителей, и отчасти занятый в государственном хозяйстве. К определенно пролетарскому сельскохозяйственному населению относится лишь та часть семей, отпускающих батраков,

у которых труд по найму поглощает большую часть активных рабочих сил семьи и где заработок от найма является основным источником существования и дохода семьи. К этой определенно пролетарской классовой группе относится в настоящее время 3.200 тысяч батраков, из которых 900 тысяч занято в государственном хозяйстве (совхозы и леса), около 400 тысяч в общественном (крестьянские комитеты взаимопомощи, сельскохозяйственная кооперация, пастухи сельских обществ), затем 1.500 тысяч в кулацком хозяйстве (вместе с деревенскими промысловыми рабочими кулаков) и около 400 тысяч в рядовом крестянском хозяйстве некулацкого, потребительского типа (в случаях призыва на военную службу или смерти единственного мужчины в семье и т. п.). Вместе с живущими на их доход иждивенцами этот слой составляет несколько более 5% сельскохозяйственного населения (на каждую семью этого слоя приходится обычно отпуск в наем около двух батраков, при чем размер семьи у них в среднем меньше, чем у остального сельскохозяйственного населения).

Третий класс современной деревни образуют капиталистические (кулацкие) хозяйства. К этой части сельского населения относится около 4% хозяйств и около 4½% сельскохозяйственного населения (всего около пяти миллионов человек).

Доля кулаков после революции сильно понизилась, но за первый период нэп'а опять несколько возрасла, медленно повышаясь и в последние 1924—1927 гг., не достигая, впрочим и трети довоенных размеров. Нынешние кулаки это, главным образом, остатки дореволюционных, сохранившиеся частично, особенно в окраинных и многоземельных районах.

Кулацкое хозяйство является интегральным, т. е. *сложным по составу источников его дохода и единым по эксплоататорской сущности всех его частей*, комбинируемых владельцем смотря по сочетанию обстоятельств. Недостигая часто крупных размеров в каждом отдельном из своих проявлений, кулацкое хозяйство сельского капиталиста в своей совокупности представляет, по деревенскому масштабу, сравнительно крупную величину со средним годовым доходом около 2 тыс. руб.

Собственное сельское хозяйство с эксплоатацией наемного труда и с переработкой сельскохозяйственной продукции своего и чужого хозяйства и со спекуляцией ею составляет основную базу кулачества. Обработка своим скотом и инвентарем земель маломощных на кабальных для них условиях дает до 10% дохода. Остальное доставляют посредничество в заготовках для города, торговля госпромизделиями, эксплоатация кустарей, ростовщичество. Разумеется, состав кулацкого дохода и строение кулацкого хозяйства не однородны по разным группам и районам.

Составляя около 5% населения, кулачество сосредотачивает прямыми и косвенными путями в своих руках около одной пятой части товарной продукции деревни, в частности хлеба, около одной шестой части посева и около девятой части рабочего скота, ставя также в зависимость от себя часть деревенских низов и в смысле их снабжения.

Натыкаясь на препятствия, ставимые советским строем развитию капиталистического производства в сельском хозяйстве (национализация земли и пр.), кулак частично переносит свои капиталы в несельскохозяйственные занятия (организация или финансирование промышленной переработки и скупка—торговля), приходя, через

голову кооперации и госорганов, в прямую связь с городской буржуазией и исполняя функции ее деревенской агентуры и представительства.

Таково социальное лицо, социальный состав сельскохозяйственного населения СССР к десятилетию революции. Три главнейших успеха может зарегистрировать партия в этом отношении за те три последние года (1924—1927 гг.), на какие особенно нападала оппозиция:

1) сохранение того осереднячения деревни, какое создано Октябрьской революцией 1917 г.; не смотря на нэп, благодаря государственной поддержке удалось сохранить от разорения и даже несколько поднять культурно и материально те *миллионы новых середняцких хозяйств*, какие были созданы революцией из прежних бедняков путем раздела помещичьих и отчасти кулацких посева, рабочего скота и инвентаря;

2) положено начало рассасыванию того «аграрного перенаселения» деревни, какое было особо тяжелым наследием царизма, достигало к 1924 г. не менее *двадцати миллионов* человек и выражалось в существовании заведомой «бедноты», не могшей ни найти себе иного занятия, ни достичь улучшения при прежнем;

3) *более значительное вовлечение пролетарской части сельскохозяйственного батрачества в государственное и общественое хозяйство, чем в кулацкое;* с 1924 г. по 1927 г. число пролетарских батраков в государственно-общественном хозяйстве возрасло на 28%, тогда как в кулацком хозяйстве только на 16%.

Достигнутые успехи, твердо выработанная практическая линия и продолжающееся общее хозяйственное укрепление отраны пролетарской диктатуры позволяют поставить на очередь для следующего десятилетия уже более далеко идущие вперед задачи:

1) кооперированием и коллективизацией рядового крестьянства сочетать необходимое агротехническое переустройство сельского хозяйства с его перестройкой в сторону развития социалистических начал (преодоление частноторгового посредничества, прямая связь с городским государственно-кооперативным заготовительным и распределительным аппаратом, общественный севооборот и общественная обработка на основе использования сложных машин и электричества);

2) полное исчезновение «бедняцкого хозяйства» и того полунищенского уровня жизни, какой принуждены еще вести нынешние «бедняки», олицетворяющие собой «аграрное перенаселение», только при советской власти в последние годы вступившее, наконец, в полосу своего изживания;

3) вовлечение в русло государственно-общественного хозяйства всего пролетарского батрачества, как такового (параллельно постепенному усилению общего наступления на кулака) и этим, вместе с изживанием «бедноты» и роли деревенского скупщика,—уничтожение условий возможности существования кулацкого хозяйства и решительное его экономическое преодоление.

Когда через десять лет в день нового юбилея мы вновь выше подымем свои знамена—будет на что посмотреть и в смысле социального состава деревни. Основой для этого и залогом служит уже достигнутое в первые десять лет власти пролетариата.

II. Сельскохозяйственный и лесной пролетариат.

Сельхозлесрабочие СССР и рабочие кулацких хозяйств вообще для подсчета их количества, по свойству имеющихся материалов, должны быть разделены на следующие разряды:

А. Частное и групповое хозяйство.

1. Рабочие домашней системы капиталистической промышленности и кустарных предприятий кулацких хозяйств.

2. Пастухи и иные рабочие сельских обществ.

3. Сроковые, помесячные и годовые сельскохозяйственные рабочие индивидуальных хозяйств.

4. Сельскохозяйственные рабочие с поденной оплатой в индивидуальных хозяйствах.

5. Рабочие торговых заведений кулацких хозяйств.

6. Рабочие охоты и рыболовства.

7. Рабочие гужевого извоза.

8. Наемный персонал сельскохозяйственных предприятий кооперации и комитетов взаимопомощи.

Б. Государственное хозяйство.

1. Совхозы (включая конзаводы, опытные агростанции и т. д.).

2. Рабочие лесничеств.

3. Лесорубы и сплавщики.

По каждому из этих разрядов необходимо выделить: а) занятых по найму более полугода, б) занятых более трех и менее трех месяцев. Затем необходимо отметить степень наличности у них собственного сельского хозяйства и процент среди них подростков, а также, какая часть занята в хозяйстве кулацком. По состоянию наших сведений по всем этим вопросам можно сделать следующие сопоставления.

I. Промышленные рабочие деревенских кулаков.

По данным ЦСУ, основная их часть приходится на рабочих мелких мельниц, маслобоек, кожзаводов, шерстомоек и других мелких предприятий по переработке местной сельскохозяйственной продукции.

Всесоюзное обследование мелкой сельской кустарной промышленности было произведено ЦСУ в 1925 г. по данным за 1924/25 год. Общее количество зарегистрированных сельских кустарей оказалось 2.072 тысячи человек (самодеятельные без иждивенцев—стр. 276 «Стат. справочника ЦСУ на 1927 г.»). Из них, по данным ЦСУ, к непосредственно и прямо производственно эксплоатируемым сельскими кулацкими хозяйствами относятся две группы:

а) во-первых, 123,4 тысяч рабочих в 60,4 тысяч мелких заведениях, применяющих наемный труд,

б) во-вторых, около 5%, то есть около 93,6 тысяч рабочих, занятых на дому в порядке домашней системы капиталистической промышленности.

Данные по первой группе опубликованы (стр. 274 и стр. 271 «Справочника»). Данные по второй группе еще не опубликованы, но сообщены ЦСУ налоговой комиссии СНК из материалов ЦСУ (считаю данные ЦСУ в этом пункте неполными, так как они дают для домашней системы капиталистической промышленности всего около 5% сельских кустарей, что меньше оценок и сообщений кустарно-кооперативных органов и местных исследователей).

Вместе по обеим группам, если ограничиться данными ЦСУ, имеем 217 тысяч человек для 1924/25 г. Рост числа лиц, занятых в сельской кустарной промышленности, за 2 последующие года составил 13,3% (см. таблицу ЦСУ о численности неземледельческого населения в 1924—1927 гг. в приложени к одновременно выпускаемой Госиздатом брошюре моей «Социальная структура СССР и судьба аграрного перенаселения»). Применяя этот процент к росту интересующей нас группы, получаем 245 тысяч человек

кустарных рабочих кулацко-капиталистических хозяйств в 1926/27 году. Как раз за последние годы рост этой группы происходил быстрее среднего роста сельской кустарной промышленности, так что на деле должно быть, собственно, даже более 245 тысяч человек.

Имея в виду, что по данным о 60 тысячах мелких предприятий в среднем на одного хозяина с мелкопромышленными рабочими приходится 2 рабочих, можно полагать, что всего их имеют около 120 тысяч, то есть около 15% кулацких хозяйств.

Относительно связи с сельским хозяйством особая комиссия ЦСУ, под председательством зампред ЦСУ т. Пашковского, приняла, что 80% относится к неимеющим ни рабочего скота, ни инвентаря, ни посева и 10% относится к имеющим не более одной головы рабочего скота и притом не более одной десятины посева (протокол комиссии ЦСУ от 1 октября 1927 г.).

При этом Всесоюзное обследование ЦСУ 1925 г. установило для них продолжительность рабочего сезона 30 недель в году, то есть более полугода (доклад члена коллегии ЦСУ т. Смит-Фалькнер в комиссии т. Орджоникидзе по частному капиталу, см. стр. 125—126 «Частного капитала» Ларина).

Наконец, что касается подростков — учеников (до 18 лет), то по Всесоюзному обследованию ЦСУ 1925 г. на них из наемного персонала мелкой сельской промышленности приходится 16%.

Таким образом (по вероятно преуменьшенным данным) мы всего имеем в 1926/27 году около 245 тысяч мелкопромышленных рабочих в деревенских кулацко-капиталистических хозяйствах. Из них 90% относится к семьям, вовсе не имеющим или имеющим совершенно ничтожное свое сельское хозяйство. При этом около

200 тысяч человек приходится на взрослых и около 40 тысяч человек на подростков.

II. Пастухи и иные рабочие сельских обществ.

По проведенному ЦСУ анкетному опросу сельсоветов в августе 1926 г. в СССР без Закавказья было 476 тысяч человек пастухов сельских обществ (стр. 59 № 4 «Статист. Обозрения» за 1927 г., сводная записка т. Мельникова, заведующего соответственным отделом ЦСУ СССР). В Закавказье их было по подсчету ЦСУ около 20 тысяч человек, да еще по СССР 46 тысяч человек других рабочих сельских обществ (стр. 61, там же). Всего по СССР значит кругло 540 тысяч пастухов и других сельскохозяйственных рабочих сельских обществ.

Хотя в следующем году численность крестьянского стада возросла, но так как число сельских обществ осталось без изменений (свыше 300 тысяч), то и для 1927 г. принимаем то же число пастухов и прочих рабочих сельских обществ (540 тысяч).

Сведения о продолжительности найма, наличии своего сельского хозяйства и о проценте подростков имеются у ЦСУ вместе с рабочими следующего разряда и приведены ниже.

3. Сроковые, месячные и годовые рабочие индивидуальных крестьянских хозяйств.

Анкета ЦСУ среди сельсоветов дала для августа 1926 г. для этого разряда, вместе с пастухами сельских обществ и кустарными рабочими кулацких хозяйств, всего 2.232 тысячи человек. Из этого числа должны быть исключены попавшие в обследование рабочие кустарных заведений (57 тысяч человек, стр. 59,

№ 4 «Статист. Обозрения» за 1927 г.), как попавшие в обследование случайно и в весьма неполном количестве (результат и момент обследования, как отмечает ЦСУ, «недостаточно характерен для найма промысловых рабочих»—стр. 58, там же). О количестве сельских кустарных рабочих имеется специальное подробное всесоюзное обследование ЦСУ, итоги которого приведены выше.

За этим исключением (57 тыс. чел.) и за исключением пастухов и иных сельскохозяйственных рабочих сельских обществ (540 тыс.) остается учтенных сельсоветами в августе 1926 г. в индивидуальных крестьянских хозяйствах по всему СССР только 1.635 тысяч человек, при чем, как сообщает ЦСУ, учитывались *только «годовые, сроковые и помесячные* рабочие» (стр. 57, там же, подчеркнуто ЦСУ). Следовательно, сюда *не вошли рабочие с поденной оплатой найма.*

Однако, по отношению даже к одним сроковым, годовым и месячным рабочим можно с полной уверенностью утверждать, что их фактическое количество в крестьянских хозяйствах гораздо больше. ЦСУ признает, что учет сельсоветами отличается «невысоким качеством» (стр. 58 № 4 «Статист. Обозр.» за 1927 г.). На то же указывает сопоставление с имеющимися по некоторым районам данными профсоюза сельхозрабочих. По некоторым районам анкетные ответы сельсоветов имеют прямо юмористический характер. Так, по всему Узбекистану и Туркменистану вместе показано только 75 тысяч сроковых полевых сельскохозяйственных рабочих. Между тем, профсоюзу известно свыше чем вдвое большее количество.

По сие время (октябрь 1927 г.) через местные органы оказалось возможным проверить по 33 губерниям

й областям РСФСР о 21 тысяче сельсоветов, *сколько из них вообще производили регистрацию договоров* о найме батраков. Оказалось, только 54%—*около половины.* Да и другая половина производит регистрацию договоров *далеко не во всех случаях* найма батраков, как показали выборочные сопоставления статорганов на местах. Например, по Самарской губернии за 1926 г. губернской статистикой установлено, что из наличных батраков вообще охвачена труддоговорами только одна треть, 34% (статья т. Баскина в № 3 «На аграрном фронте» за 1927 г., стр. 90).

При таком положении, когда только свыше половины сельсоветов вообще регистрировали договора, да и то неполностью, — неудивительно, что ответы сельсоветов в августе 1926 г. на анкету о числе хозяйств с наймом сроковых рабочих, существенно расходятся не только с оценками профсоюза, но и с данными специального гнездового обследования НКРКИ СССР по целому ряду республик и губерний о проценте хозяйств, нанимающих «сроковых и постоянных» рабочих (без поденного найма). Это обследование было произведено РКИ в том же 1926 г. путем посылки на места специальных лиц.

Согласно ответам сельсоветов на анкету — в СССР в августе 1926 г. имелось всего около 1.330 тысяч дворов с наймом сроковых, годовых и помесячных рабочих, то есть, около 6,7% по отношению к числу всех сельскохозяйственных дворов. Всех сел.-хоз. дворов, не считая семей с батрачеством, как основным источником дохода, было по ЦСУ около 19,8 миллионов дворов в 1926 г., не считая, конечно, живущего в деревне несельскохозяйственного населения—см. таблицу ЦСУ в приложении к брошюре моей «Социальная

структура СССР и судьбы аграрного перенаселения»). Между тем, по обследованию НКРКИ дворов с наймом сроковых рабочих в том же 1926 г. по СССР оказывается 9,1%, то есть *на треть* больше, чем по ответам сельсоветов. При установлении площади *посевов* ЦСУ делает накидку около 20% на утайку и неполноту сведений. По данным о найме сроковых рабочих накидка для приближения к действительности должна была бы быть еще больше, если принять во внимание приведенные выше сведения о регистрации найма сельсоветами и об итогах гнездового обследования НКРКИ. Ограничиваясь из осторожности накидкой только в 20%, получим для 1926 г. в индивидуальных крестьянских хозяйствах всего 1.962 тысячи сроковых рабочих. Для 1927 г. ЦСУ принимает увеличение их количества на 6,8% в соответствии с другими показателями (рост продукции, данные отдельных местностей и т. д.). Тогда для 1927 г. имеем 2.095 тысяч человек или кругло 2.100 тысяч человек.

Для пастухов сельских обществ нами не принимается указанной накидки в 20% в предположении, что их количество известно сельсоветам гораздо полнее, чем число батраков в индивидуальных хозяйствах.

4. Социальный состав крестьянских сроковых батраков.

Вместе с пастухами и иными сельскохозяйственными рабочими сельских обществ мы имеем, таким образом, реально в крестьянском хозяйстве (в индивидуальном и сельских обществах вместе) всего около 2.640 тысяч сроковых рабочих. К ним должно быть присоединено еще около 60 тысяч человек рабочих сельскохозяйственных предприятий комитетов взаимопомощи и сельскохозяйственной кооперации. Вместе получаем

2.700 тысяч человек (кроме промышленных рабочих, занятых кулаками). Но не все из них могут быть отнесены к безусловно пролетарскому населению. Часть их приходится на членов крестьянских хозяйств, на короткий срок отпускаемых на заработки. Комиссия СНК в согласии с ЦСУ относит к пролетарскому населению лишь ту часть, какая работает по найму не менее полугода (это, как видим, совпадает и с не имеющими или почти не имеющими собственного посева), а остальные относятся частично к бедняцким (полупролетарским) и иногда даже к середняцким хозяйствам (отпускающим порою подростков «в люди»).

По срокам найма (распространяя взвешенные сведения, анкеты сельсоветов на всю массу) эти 2.700 тысяч сроковых сельскохозяйственных рабочих распределяются таким образом:

На 1 месяц	2%
От 1 до 3 месяцев	8%
От 3 до 6 месяцев	38%
Свыше 6 месяцев	52%
	100%

Следовательно, свыше 1.400 тысяч человек относится к занятым по сроковому договору более шести месяцев. Сопоставляя данные и расчеты ЦСУ о семейном составе этой части и о количестве отпускаемых ими работников, можно видеть, что здесь мы имеем дело с семьями, отпускающими в наем обычно в среднем до двух батраков одновременно при средней величине семьи менее четырех человек. Это, таким образом, чисто пролетарское (батрацкое) население, не имеющее вовсе возможности вести собственное сельское хозяйство.

Вторую группу составляют занятые на срок от 3 до 6 месяцев включительно. К ним относится свыше 40% (так как в группу «от 1 до 3 месяцев» входят и заключившие договор ровно на 3 месяца) или около 1.100 тысяч рабочих. Из них занятых ровно 6 месяцев почти 300 тысяч человек. Эти последние 300 тысяч надо также присчитать к определенно пролетарскому слою. Ибо, кто непрерывно шесть месяцев работает по договору в чужом хозяйстве по найму весной, летом и осенью, тот явно не имеет возможности работать в собственном сельском хозяйстве. Особенно это относится к уходящим на заработки в Крым, на Кубань и т. д., у которых еще изрядное время отнимает дорога в оба конца и поиски работы. По данным ЦСУ, если взять *всех сроковых* рабочих (т. е. начиная от помесячных и выше), то *в среднем* приходится на каждого около *семи с половиной месяцев* работы по найму в чужом хозяйстве, *почти полтора месяца* на поиски работы и только *свыше трех месяцев* в год на работу в своем хозяйстве.

Но это только «средние» данные. На деле же занятые по найму полгода и более (всего 1.700 тыс. чел.) почти вовсе не заняты в собственном хозяйстве, ибо их семьи не имеют его. А остальной миллион (занятые менее полугода), наоборот, обычно подавляющую часть года заняты в собственном хозяйстве. Притом из этого миллиона около 800 тысяч человек занятых по найму не менее трех месяцев, но меньше полугода. А 200 тысяч заняты меньше трех месяцев. Первую группу (800 тыс. чел.) надо отнести *к бедняцкому хозяйству полупролетарского типа.* Основное занятие, основной источник дохода их семьи—труд работников в собственном бедняцком хозяйстве. Но уже половину

сельскохозяйственного сезона работник занят по найму в чужом хозяйстве. Работа по найму является здесь хотя еще не преобладающим занятием семьи, но уже главным источником ее *денежного* дохода.

Последние 200 тысяч человек падают на кратковременный сроковой наем (не меньше одного, но менее трех месяцев). Здесь работа по найму имеет подсобный, второстепенный характер в доходном бюджете семьи, и такая семья не может быть отнесена ни к пролетарскому, ни к полупролетарскому сельскохозяйственному населению. Это—обычного типа крестьянское середняцкое хозяйство, отпускающее при случае младших членов семьи на короткий срок «в люди».

По возрасту из всех батраков, по данным об ответах сельсоветов на ту же анкету, на подростков до 18 лет приходится почти 37%, а на взрослых 63% или, следовательно, около 1.700 тысяч человек.

Не имеют рабочего скота и пахотного инвентаря, то есть принадлежат к семьям без рабочего скота и пахотного инвентаря, более 70% и совершенно не имеют посева 55% или около полутора миллиона человек. Сверх того несколько сот тысяч имеют посев настолько незначительный, что роль его в общем доходном бюджете семьи совершенно второстепенна.

Таким образом, по всем показателям не менее 1.700 тысяч человек сроковых рабочих принадлежит к чисто пролетарским семьям, работают по найму каждый не менее полугода в год (т. е. весь сельскохозяйственный сезон) и отпускают в наем одновременно около двух человек из каждой семьи, не имея при том ни рабочего скота, ни пахотного инвентаря, ни посева. Эта часть батрачества вообще не должна включаться в число крестьянских дворов, имеющих собственное

сельское хозяйство—даже в тех случаях, когда у таких батраков есть своя изба. Впрочем, заметная часть батраков *не имеет даже своей избы* (не то, что посева) и живет со своими иждивенцами исключительно по хозяевам или в наемных квартирах (до трети числа нанимающихся на срок не менее полугода). Эта часть, кстати сказать, *не попадает в обычные динамические переписи и весенние опросы ЦСУ*, так как эти переписи и опросы учитывают «наличные дворы», и батрацкая семья без избы и посева в числе «дворов» не состоит. Потому процент семей, существующих преимущественно на доход от батрачества, по динамическим и весенним опросам ЦСУ всегда должен оказываться несколько ниже действительного.

Далее, 800 тысяч батраков, занятых в крестьянских хозяйствах и сельских обществах по сроковому найму, входит в состав бедняцких *хозяйств* («полупролетарских» или «четверть пролетарских»). И 200 тысяч сроковых заняты лишь по краткосрочным договорам.

Из всех сроковых батраков, по обследованию труда и быта (ЦСУ в сентябре 1926 г.), работают фактически не менее 12 часов *в день* целых 53% в среднем по СССР. Особенно высок этот процент в Крыму—около 80%. Как показало это сентябрьское обследование, у батраков без колдоговора (таких большинство, а входит в профсоюз менее пятой части) вообще рабочий день не менее 12 часов.

А из заключивших колдоговор у целых 55% (у большей половины) фактический рабочий день значительно длиннее, чем было обусловлено по колдоговору. Этим нарушениям закона и договора существенно способствует их безнаказанность для нанимателей вследствие крайней недостаточности числа *сельскохозяйственных*

инспекторов труда. В итоге *средний* рабочий день в будни для всех категорий сроковых рабочих в крестьянском хозяйстве в сентябре 1926 г. оказался равным 13,3 часам. Длиннее всего он оказался в Крыму— *13½ часов в среднем* (те же материалы ЦСУ). Здесь имеется в виду чистая продолжительность работы, т. е. уже после вычета перерывов.

Твердое ограничение продолжительности рабочего дня восемью часами, для начала хотя бы только в определенно кулацких хозяйствах, было бы для них по уровню их дохода вполне посильно (*еще посильнее, чем в городе для рабочих мелких ремесленных предприятий, где восьмичасовой день проведен в жизнь без какой бы то ни было гибели ремесла*). Это значительно увеличило бы количество длительно нанимаемых кулаками рабочих (примерно, в полтора раза, судя по сентябрьскому обследованию) и соответственно уменьшило бы аграрное перенаселение и напор в города ищущих занятий из деревни. Разумеется, потребовалось бы значительное расширение сети сельскохозяйственной инспекции в округах и уездах, расход на что вполне окупился бы результатами. Предложенная ЦК-том 15-му партс'езду резолюция предрешает необходимый перелом практики, совершенно категорически предписывая полное проведение Кодекса Законов о труде (т. е. восьмичасового рабочего дня) в кулацком хозяйстве.

Что касается заработной платы всей массы сроковых батраков, то обследование 1926 г. показало, во-первых, значительную разницу по сезонам (ниже всего зимой и выше всего осенью). Зимою весь заработок мужчин почти 15 рублей и женщин почти 11 р. в месяц, а осенью у мужчин почти 20 рублей и у женщин около 15 рублей червонных в месяц. При чем

в эту сумму входят уже и выдачи натурой (пища, часто одежда), оцениваемые в среднем до 9 рублей в месяц. Во вторых, обследование показало, что даже от скромной средней фактической нормы какого-либо района наблюдается много отступлений вниз (в хозяйствах такой же мощности). Платят меньше, когда батрак не организован, когда нет колдоговора, когда не встречались на практике с существованием инспекции труда.

Необходимостью является поэтому установление исполкомами по округам, уездам и частям их такого размера заработка батрака и батрачки (по видам работ и по сезонам), ниже которого он не может быть (обязательный местный минимум зарплаты). За такой минимум надо принять фактическую среднюю для данного района, существовавшую в предшествовавший год. Тогда это обеспечит ежегодное подтягивание отставших к уже достигнутому вообще фактическому среднему уровню зарплаты. Выбор раз уже достигнутого среднего уровня зарплаты батраков в качестве обязательного к соблюдению кулаками минимума ее вообще обеспечивает несомненную приемлемость этого минимума для хозяйства вообще и устраняет только «сверхнормальную» эксплоатацию. Дальнейшее улучшение должно проводиться борьбой батраков и нанимателей, возможно более организуемой профсоюзом, не останавливаясь и перед стачками в кулацких хозяйствах при благоприятной для успеха хозяйственной кон'юнктуре.

5. Рабочие с поденной оплатой в индивидуальных крестьянских хозяйствах.

Рабочих с поденной оплатой крестьянские индивидуальные хозяйства нанимают гораздо больше, чем рабочих сроковых. Но зато поденный наем обычно

бывает краткосрочным, только на период особого напряжения сельскохозяйственных работ. Например, на несколько недель (или даже на несколько дней) во время жатвы, покоса или посева. Поставщиками поденного труда являются не только пролетарские или бедняцкие (полупролетарские) семьи, но и хозяйства середняков. Поскольку середняк справляется со своим участком быстро—он может в горячий период работ подрабатывать у своего более зажиточного соседа или у кулака, которым на этот короткий период нужны добавочные руки сверх длительно работающих у них сроковых рабочих и членов собственной семьи.

Рядом с этим идет, более ограниченный в размерах, наем поденщиков, являющихся фактически весьма длительными рабочими, но с поденной формой оплаты труда. Это на деле те же сроковые рабочие, которых хозяева заставляют соглашаться на оплату поденно, чтобы больше держать их «в руках» и быть независимее от нашего социального и общеполитического законодательства. Ведь наем с поденной оплатой в сельском хозяйстве подходит под льготные для нанимателя «Временные Правила», а не подчиняется ненавистному ему «Кодексу законов о труде». Зарегистрировать в сельсовете договор найма с двумя-тремя сроковыми рабочими одновременно означает лишиться избирательного права при выборах в советы, потерять право быть членом правления кооператива и т. д. А наем поденных рабочих (предполагаемый кратковременным и подсобным), по существовавшей до сих пор практике, к таким последствиям не вел. В некоторых районах, например, при обработке табачных плантаций, местами даже при полевых работах над зерновыми культурами, поденная форма оплаты рабочих, фактически

являющихся длительными (сроковыми), довольно распространена. Сюда же относятся случаи, когда поденный рабочий весь сельскохозяйственный сезон переходит от одного хозяина к другому, у каждого проработав только один—два месяца, а то и меньше. Такой наем по всем нанимающим хозяйствам будет показан, как краткосрочный поденный. А на деле мы имеем здесь дело с человеком, для которого батрачество является основным занятием, поглощающим весь сельскохозяйственный сезон.

О числе всех *поденных* рабочих в крестьянских индивидуальных хозяйствах (сверх сроковых, помесячных и годовых рабочих) ЦСУ собрало сведения от своих *волстатистиков* одновременно с анкетой *сельсоветам* о количестве *сроковых* рабочих. По данным волстатисков количество одновременно занятых в крестьянских индивидуальных хозяйствах поденных рабочих в 1926 г. составляло: а) в период жатвы около *трех* миллионов человек, б) в период покоса около *двух* миллионов, в) в период посева около *одного* миллиона.

В подавляющем большинстве случаев, как сказано, здесь имеет место краткосрочный наем *разных* людей. Выделить *полностью* тех батраков, которые работают *более полугода* (т. е. весь сезон, только меняя хозяев или получая заработную плату от того же хозяина все время в поденной форме)—по существующим материалам невозможно. По *частичным* же данным и расчетам ЦСУ определяет количество таких «мнимых» поденных, а на деле постоянных рабочих *не менее 300 тысяч человек*. Это та часть сельскохозяйственных поденщиков, какая должна быть отнесена к определенно пролетарскому населению в сельском хозяйстве. Можно не без оснований предполагать, что эта часть более

300 тысяч человек, но сейчас выделить ее полностью из всей массы поденщиков невозможно.

Эти 300 тысяч человек проходят через все три периода учтенных для поденного труда работ — посев, покос и жатва. Можно думать, что остальные 700 тысяч, свободные частично от работ в своем хозяйстве в период *посева* и продававшие на это время свои рабочие руки, делают это и в периоды покоса и жатвы, когда спрос на добавочные рабочие руки в кулацких и в середняцко-зажиточных хозяйствах особенно возрастает. Если те же самые люди проходят, хотя бы не длительно каждый раз, через периоды и посева, и покоса, и жатвы,—то их можно без особой ошибки отнести к составу тех же бедняцких (полупролетарских) хозяйств, к каким относятся работающие по сроковому найму не менее трех, но менее шести месяцев.

Тогда вся масса поденного найма в крестьянских хозяйствах (6 миллионов случаев найма за весь сезон) сведется на деле только к 4 миллионам нанятых лиц, распадающихся на три группы:

а) работающие по найму не менее полугода—300 тысяч человек (члены семей пролетарской части сельскохозяйственного населения).

б) принадлежащие к бедняцкой («полупролетарской») части крестьянских хозяйств—около 700 тысяч человек.

в) остальные 3 миллиона человек—однократный поденный наем, продолжающийся менее трех месяцев и являющийся подсобным второстепенным источником семейного дохода для бедняцких и середняцких семей, отпускающих в краткосрочный поденный наем отдельных своих членов.

Об условиях труда поденных рабочих в крестьянском хозяйстве следует сказать, что с ними дело

обстоит еще менее удовлетворительно, чем с условиями труда сроковых рабочих. Потому необходимы специальные меры в этом отношении: как составление типовых договоров поденного найма и проведение их в жизнь и т. п. Та часть поденных рабочих, какая на деле работает систематически, только с поденной формой оплаты, должна быть приравнена полностью к сроковым рабочим. Социальное страхование, почти не применяемое вообще к батрачеству в кулацких и в середняцко-зажиточных хозяйствах, должно быть проведено в кулацких хозяйствах полностью, а в середняцко-зажиточных с теми ограничениями, какие вытекают из их особенностей в степени мощности.

6. Охота, рыболовство, извоз, торговля, лжекооперация.

Количество наемных рабочих в рыболовстве и охоте ЦСУ исчисляет в 30 тысяч человек, а профсоюз несколько больше. Судя по количеству наемных ловцов в одной Астрахани — величина эта, действительно, должна быть выше.

Кулацкая торговля в деревнях, имея в виду ее долю в общем обороте частной торговли и категории ее заведений, а также общее число служащих частных торговых заведений (установленное ЦСУ для 1925/26 года в 110 тысяч человек),—занимает не менее 25 тысяч человек постоянно служащих.

Наконец, что касается *извоза*, то вообще нет достаточных данных для определения того, какое количество рабочих сельские и подгородные кулаки нанимают специально для обслуживания извоза, как промысла (для подвоза материалов к фабрикам, для вывоза пассажиров игрузов со станций, иногда для лесных работ и т. д.).

Точно так же нет сведений о числе участников организуемых кулаками лжеартелей (например, строительных), встречающихся не в малом количестве среди сельских производственных (и отхожих) кооперативов вообще. Например, по обследованию НКРКИ СССР— в составе *колхозов* оказался довольно длинный ряд фактически об'единяющих батраков и их хозяев. Кооперативная вывеска служила здесь прикрытием, маскировкой фактических отношений найма.

Если общее количество сельских батраков, систематически эксплоатируемых кулацко-предпринимательскими элементами деревни в охоте, рыболовстве, извозе, торговле, лжеколхозах и т. д., определить только около 100 тысяч человек, то это несомненно не будет преувеличением. Вместе с постоянной частью *промысловых* рабочих у кулаков (200 тысяч, смотри выше раздел 1-й настоящей главы) это дает около 300 тысяч рабочих, занятых деревенскими кулаками сверх работающих по найму в *земледельческой и животноводственной* отраслях сельского кулацкого хозяйства.

7. Рабочие кулацких хозяйств.

Общее количество рабочих и служащих, занятых по найму во всем сельском и лесном хозяйстве, *кроме государственного*, а также в переработочных и т. п. предприятиях деревенских кулаков—составляет, таким образом, в 1926/1927 хозяйственном году около *семи миллионов человек*.

Вся эта масса, как мы видели, делится на три части:

1. В состав пролетарского населения входят около 2.300 тыс. человек (в том числе около 1.700 тысяч сроковых, 300 тыс. поденных и 300 тысяч промысловых,

рыболовных и прочих). Если же не делать 20-процентной поправки на недоучет сельсоветами сроковых рабочих, то в состав пролетарского населения войдет только немногим более двух миллионов человек (в том числе 1.420 тысяч сроковых, 300 тысяч поденных и 300 тысяч промысловых, рыболовных и т. д.). Эта часть является чисто пролетарской, вовсе не ведущей или почти совершенно не ведущей собственного крестьянского хозяйства. Это—группа, занятая по найму весь сельскохозяйственный сезон (не менее шести месяцев весной, летом и осенью), отпускающая в наем из каждой семьи около двух работников, часто не имеющая избы, вообще не имеющая ни рабочего скота, ни инвентаря и почти всегда не имеющая или почти не имеющая своего посева (в 90% случаев, по определению ЦСУ на основе данных весеннего опроса 1927 г.). Когда она имеет посев, то он совершенно ничтожен, сводится к огороду около избы и т. п.

2. В состав крестьянских *бедняцких хозяйств* в 1926/1927 году, согласно приведенным данным, надо засчитать около 1.500 тысяч батраков (в том числе около 800 тысяч сроковых и 700 тысяч поденных). Если же не делать 20-процентной прибавки на недоучет сроковых рабочих сельсоветами, то только несколько свыше 1.360 тысяч человек (в том числе 660 тысяч сроковых и 700 тысяч поденных). Эта группа—члены бедняцких семей, ведущих собственное хозяйство, хотя и маломощное, но являющееся основой существования семьи. Наем продолжается здесь не меньше трех месяцев, но менее полугода. Приработок на стороне является здесь сплошь и рядом главным источником *денежного* дохода семьи, но не преобладающим занятием всех занятых в производстве ее трудовых

сил. Потому эту часть сельскохозяйственного населения страны надо относить не к бесхозяйственному пролетарскому населению, а к составу хозяйствующих бедняцких дворов (хотя и являющихся нередко «полупролетарскими» или «четвертьпролетарскими»).

3. В третью группу входят остальные почти три с четвертью миллиона батраков и батрачек. В эту группу входят случаи краткосрочного найма (только менее чем на три месяца), почти исключительно с поденной оплатой (3 миллиона). Отпускают их как бедняцкие, так отчасти и середняцкие хозяйства.

Для оценки, какая часть из всех этих длительных и краткосрочных батраков занята в *кулацких* хозяйствах, имеются следующие основания. По самому существу заняты в кулацких хозяйствах наемные рабочие мелких перерабатывающих, извозных, торговых, рыболовных и т. п. предприятий, ибо наличность такого предприятия с наемными рабочими, является общепризнанным и достаточным признаком принадлежности данного деревенского хозяйства к кулацкому типу. Таких рабочих в составе пролетарской части деревенского населения, как мы видели, не менее трехсот тысяч.

Что касается остальных батраков, то из них надо исключить, прежде всего, пастухов и иных рабочих сельских обществ, рабочих комитетов взаимопомощи и сельскохозяйственной кооперации. Тогда для 1927 г. остается нанимаемых в индивидуальных крестьянских хозяйствах:

а) на срок от шести месяцев и более—около 1.600 тысяч человек (в том числе около 1.300 тыс. сроковых и 300 тысяч поденных);

б) на срок менее полугода, но около трех месяцев и более—около 1.300 тысяч человек (из них 600 тысяч сроковых и 700 тысяч поденных);

в) в порядке весьма краткосрочного найма в периоды особого напряжения сельскохозяйственных работ—несколько более трех миллионов (почти сплошь поденные).

Наем сроковых рабочих по первым двум разделам и поденных по первому обнимает до 2.200 тысяч человек. Если не делать 20-процентной накидки на недоучет сроковых рабочих сельсоветами, то для 1927 г. по этим двум разделам будем иметь всего около 1.900 тысяч человек (из них до 1.600 тысяч сроковых). Это и есть основная группа длительных батраков в индивидуальном сельском хозяйстве, для которой можно установить распределение по нанимателям.

По ответам сельсоветов на упомянутую уже анкету, ЦСУ установило наличность в августе 1926 г. всего 1.327 тысяч крестьянских дворов со *сроковыми* рабочими, а для 1927 г., учитывая итоги весеннего опроса 1927 г. и другие данные—уже 1.404 тысячи дворов. Если сделать накидку на недоучет в 20%, то количество дворов, нанимающих сроковых рабочих, возросло бы почти до 1.700 тысяч, то есть составило бы 8,5% от всех крестьянских дворов, ведущих собственное хозяйство, как основное занятие семьи.

Но считать ли это количество более близким к 1.400 тысячам или к 1.700 тысячам—во всяком случае, очень многие из этих дворов не являются кулацкими. Если в хозяйстве имеется два сроковых рабочих, то его несомненно можно отнести к кулацкому типу. Наем же одного рабочего производится также рядовым крестьянским хозяйством некулацкого типа в тех

случаях, когда по особым условиям оно лишено нормальной собственной рабочей силы. Сюда относятся: отбывание воинской повинности, длительная болезнь, смерть взрослого мужчины при наличии слабой вдовы с маленькими детьми и т. п.

Только часть хозяйств с одним сроковым рабочим, притом меньшая часть, относится к хозяйствам кулацкого типа. Это те дворы с одним *сроковым* рабочим, которые, сверх того, по размерам своего хозяйства в определенные периоды нанимают еще *поденных* рабочих. Или те дворы, какие по большому наличию у них рабочего скота и инвентаря имеют возможность путем их так называемой «сдачи» (или «сдельной» работы) подвергать кабальной эксплоатации своих маломощных соседей. Наконец, это те дворы, которые наличность одного срокового рабочего или вообще свое сельское хозяйство сочетают с наличностью у них мелкокапиталистического переработочного или торгового предприятия и т. п.

По результатам весеннего опроса 1927 г. (на 1 мая 1927 г.), ЦСУ устанавливает по всем этим признакам вместе группу кулацких дворов, обнимающую 4% *всего* населения деревни или 4,4% всего *сельскохозяйственного* населения страны. Это составляет для 1927 г. около 780 тысяч кулацких дворов, то есть почти 3,9% (около 4%) всех крестьянских дворов, имеющих собственное хозяйство в качестве основного источника дохода (иначе сказать, кроме определенно пролетарской части сельскохозяйственного населения). В группу кулацких дворов входят либо нанимающие не менее двух сроковых рабочих; либо, при наличии некоторых указанных ниже условий, нанимающие только одного рабочего. К последним относятся имеющие не менее

определенного количества рабочего скота (в одних районах—не менее четырех голов на двор, в других—не менее трех); либо имеющие не менее определенной площади посева (в одних районах—не менее 16 десятин, в других—не менее 14 и т. д.); либо имеющие переработочные или торговые заведения, обслуживающие продукцию не только собственного хозяйства (иначе сказать—предпринимательского типа). В ряде случаев нередко некоторые из этих признаков совпадают (а иногда и все). Само собой, для хозяйств табачных, виноградных, огородных, хлопковых и подобных—граница площади посева, с какой их приходится считать кулацкими, значительно ниже, чем приведенная выше для примера граница кулацкого хозяйства при посеве хлеба.

По сделанным в ЦСУ расчетам к числу нанимающих *не менее двух* сроковых рабочих в 1927 г. относится лишь около 370 тысяч дворов. По тем же сделанным в ЦСУ расчетам на каждый такой двор приходится в среднем около 2,6 сельскохозяйственных рабочих, считая в том числе как сроковых рабочих, так и ту часть поденных, какая занята не менее полугода. Следовательно, еще около 400 тысяч кулацких дворов имеют только по одному сроковому рабочему.

Остальные более 600 тысяч хозяйств, нанимающих одного срокового рабочего, принадлежат рядовому крестьянству (если не делать 20-процентной накидки на недоучет сельсоветами сроковых рабочих, а если делать, то даже до 900 тысяч). Это значит, что из всех некулацких хозяйств нанимают по одному сроковому рабочему от 3 до 4½ процентов их числа (смотря по тому, делать накидку или нет). Такие хозяйства, кстати сказать, чаще прибегают к сроковому найму длительностью менее полугода (в силу потребительского

характера хозяйства наем для них труден, потому всячески стараются сократить срок найма). Наоборот, кулацкие хозяйства из числа сроковых рабочих сосредоточивают у себя преимущественно часть с более долгими сроками найма.

Кулацкие хозяйства в том об'еме понятия, какой выше охарактеризован, шире того круга *мелкокапиталистического и среднекапиталистического сельскохозяйственного производства*, какой я выделил в книге «Частный капитал». Там речь шла об организаторе прямого капиталистического производства. Количество таких «капиталистических фермеров» я определял там до 450 тысяч домохозяев с наличностью около трех с половиной рабочих на хозяина в среднем. Это довольно близко подходит к подсчитанным ЦСУ 370 тысячам кулацких дворов с наймом не менее двух сроковых рабочих в каждом. Если добавить еще занятых кулаками промысловых рабочих (на мельницах, шерстомойках, в лавках и т. д.), к той величине 2,6 сроковых сельскохозяйственных рабочих на двор этой группы в 1927 г., какая оказывается по расчетам ЦСУ, то получится весьма близкое совпадение и среднего на двор этой группы числа всех нанимаемых таким двором рабочих. Если сделать к произведенному в ЦСУ расчету о наличии 370 тысяч таких дворов накидку в 20 процентов на недоучет сельсоветами (которую я пытался обосновать выше), то и число дворов этой группы почти точно подойдет к 450 тысячам.

Для избежания преувеличения числа занятых кулаками в сельском хозяйстве рабочих как сроковых, так и длительно-поденных (последних из числа 300 тысяч поденных, занятых не менее полугода)—возьмем в основу сделанный в ЦСУ расчет. Тогда 370 тысяч

дворов нанимают в общем 960 тысяч длительно занятых у них сельскохозяйственных батраков и батрачек, и около 410 тысяч кулацких дворов нанимают по одному рабочему (ибо всех кулацких дворов, согласно весеннему опросу ЦСУ 1 мая 1927 г., должно быть 780 тысяч). А всего кулаки нанимают 1.370 тысяч сельскохозяйственных батраков да сверх того, как было уже приведено выше, около 300 тысяч рабочих промысловых, торговых и т. д. В сумме получаем до 1.670 тысяч в кулацких хозяйствах.

Приведенный подсчет не затрагивает краткосрочного поденного найма. К краткосрочному поденному найму мы относим тех 700 тысяч поденщиков, которые нанимаются за сезон несколько раз, но в общем работают по найму менее шести месяцев в год, и те три миллиона поденщиков, которые заняты особо короткий срок, только в напряженные моменты отдельных частей сезона. Сюда же надо отнести до 200 тысяч сроковых рабочих, нанимающихся на срок менее трех месяцев. Всего получается масса до четырех миллионов краткосрочных батраков в индивидуальных хозяйствах, почти сплошь поденных, о распределении которых между нанимателями известно весьма мало.

Правда, по существу своего социального положения они являются не батраками, а крестьянами, которые ежегодно временно батрачат весьма короткий срок. Средний срок найма для этих временных краткосрочных батраков весьма мал. По отрывочным данным «Статистического Справочника ЦСУ на 1927 год» (стр. 89) для *всех* поденных рабочих он составлял в 1926 г. в «потребляющей полосе» РСФСР в среднем только 11,2 рабочих дня, а в «производящей полосе» европейской части РСФСР 13,8 рабочих дней (по другим

районам данных об этом не приведено). Тем менее значительна должна быть эта величина, если исключить еще ту (правда, небольшую) группу поденных рабочих, какая занята длительно (300 тысяч). Все эти почти 4 миллиона временных краткосрочных батраков, если время, затраченное ими на труд по найму, перевести на полугодового срокового рабочего, вероятно, дали бы величину, равную менее чем двумстам тысяч полугодовых рабочих.

Грубо ориентировочно можно считать, что эта группа распределяется, примерно, пополам между кулацким и некулацким хозяйством или же пропорционально использованию тем и другим более длительного батрацкого найма. К более длительному найму в индивидуальном хозяйстве относится около $2^1/_2$ миллиона батраков (из них занятых не менее полугода сроковых 1.300 тысяч и поденных 300 тысяч, а также промысловых и т. п. 300 тысяч, и занятых от трех до шести месяцев 600 тысяч сроковых). Из них, как мы видели, на кулацкое хозяйство приходится около 1.670 тысяч, то есть во всяком случае больше половины, вернее, около двух третей всех батраков, *длительно* занятых в индивидуальных крестьянских хозяйствах. Если работу всех краткосрочных поденщиков (почти 4 миллиона физических лиц) перевести в условные «полугодовые единицы», то к эксплоатируемому кулацким хозяйством наемному труду пришлось бы прибавить еще до 100 тысяч таких условных «полугодовых работников». А всего кулацкое хозяйство поглощает таким образом до двух третей всей массы наемного труда в индивидуальных крестьянских хозяйствах, считая по сумме проработанного времени, а не по числу физических лиц.

Конечно, это расчет ориентировочный и не претендующий на абсолютную точность. Если верны расчеты, сделанные в ЦСУ и опирающиеся на анкету сельсоветов, то менее полутора миллионов всей массы работников наемного труда в индивидуальных крестьянских хозяйствах приходится на кулацкие дворы. Если верна моя накидка на недоучет,—то около миллиона и двух третей. *Но в обоих случаях ясна вся важность полного проведения Кодекса законов о труде в кулацком хозяйстве.* В настоящее время он здесь почти вовсе не применяется. По недостатку организованности батраков [1]), по недостатку инспекции сельскохозяйственного труда и по недостатку вообще внимания многих местных органов к этому делу—кулацкое хозяйство на практике весьма часто или совсем свободно от советского ограничения эксплоатации наемного труда, или подчинено только «Временным правилам», имевшим в виду не кулацкое, а середняцкое хозяйство. *Пятнадцатый партийный с'езд делает решительный шаг к изменению этого положения.* Резолюция о деревне провозглашает строжайшее применение Кодекса законов о труде к кулацкому хозяйству, как одну из основных задач работы партии в деревне. При полном проведении на практике это должно означать увеличение количества длительно занятых кулаками батраков (при условии *неувеличения* об'ема кулацкого хозяйства) на несколько сот тысяч человек и соответственное уменьшение аграрного перенаселения. Причина—замена существующего 12-тичасового рабочего дня предписанным Кодексом восьмичасовым.

---

[1]) По данным профсоюза на 1 июля 1927 г. состояло его членами всего около полумиллиона батраков и пастухов крестьянских индивидуальных хозяйств и сельских обществ. Между тем, рабочих этого рода (одних сроковых без поденных) было около 2.700 тысяч человек.

8. Рабочие совхозов.

О рабочих и служащих *совхозов* имеются сведения за 1926 год по отчетам соответственных хозорганов. Общее количество совхозов в СССР доходит в настоящее время почти до шести тысяч. Средняя удобная для полеводства площадь—более шестисот десятин. Совхозы делятся на пять основных групп, между которыми все количество занятых ими по найму лиц распределялось летом 1926 г. следующим образом (в тысячах человек):

Совхозы	Постоянный персонал	Сроковые рабочие	Поденные рабочие
Сахаротреста и винтрестов	106 т.	185 т.	245 т.
Госсельсиндиката. . . .	20 »	30 »	42 »
Приписные.	16 »	22 »	30 »
Земорганов.	12 »	18 »	26 »
Концессионные и арендованые	6 »	9 »	13 »
	160 т.	264 т.	356 т.

Всюду мы видим здесь сроковых рабочих больше, чем постоянных, а поденных рабочих более, чем сроковых. Общее количество занятых в течение года физических лиц 780 тысяч человек. Однако из поденных рабочих совхозов длительными рабочими с поденной формой оплаты труда являются лишь около 40%. Таким образом, общее количество служащих и рабочих совхозов, для которых работа по найму в совхозе служит основным источником дохода, составляло около 565 тысяч человек. Остальные свыше 200 тысяч человек приходились на краткосрочный наем членов крестьянских семей, не входящих в состав пролетарской части

сельскохозяйственного населения. Этих свыше 200 тысяч человек временных краткосрочных совхозских батраков из крестьян надо отнести к той же группе краткосрочного найма, как и почти 4 миллиона подобных же лиц в крестьянских индивидуальных хозяйствах, также принимаемых только на несколько дней или недель в острые моменты периодов особого напряжения сельскохозяйственных работ.

Остальные около 565 тысяч человек составляли в 1926 г. длительно-занятый батрацкий кадр совхозов, из которого *большая половина* приходилась на совхозы одного только Сахаротреста. Прирост в 1927 г. принимается меньше прироста продукции совхозов, а именно только в 6%. Тогда общая численность пролетарской части совхозского наемного персонала в 1927 г. оказывается равной 600 тысяч человек. Эта величина и принята исчислением ЦСУ в качестве числа совхозских батраков, входящих в состав пролетарской части сельскохозяйственного населения страны. Примерно такая же доля приходится на безпосевных, бесскотных (без рабочего скота) и безинвентарных среди всего состава физических лиц, занятых в совхозах. В среднем на совхоз в 1927 г. приходилось, таким образом, *около ста* длительно занятых рабочих и служащих и сверх того около *сорока* краткосрочных поденщиков.

Уровень зарплаты в совхозах несколько выше, чем в крестьянских индивидуальных хозяйствах. По материалам профсоюза, в июле 1926 г. средняя месячная зарплата составляла в совхозах:

Сахаротреста	27	рублей
Госсельсиндиката	21	»
Приписные	29	»
Земорганов	23	»

Между тем в крестьянских хозяйствах (учитывая, что почти 30% приходилось на батрачек) и в сельских обществах (пастухи) средняя взвешенная в том же июле 1926 г. составляла около 18 рублей. Разница в пользу совхозов есть, хотя, например, по совхозам Госсельсиндиката, довольно незначительная. Параллельно с происходящим укреплением общего хозяйственного положения совхозов теперь должна быть поэтому более энергично взята линия на превращение их в образцово-показательные предприятия и по размерам оплаты труда. Иначе может произойти местами даже отставание от зарплаты в кулацких хозяйствах. Ибо если средняя по крестьянским хозяйствам и сельским обществам составляет около 18 рублей, то пробная разработка сентябрьского обследования 1926 г. по 28 губерниям РСФСР показала, это в кулацких хозяйствах *с письменными договорами* эта средняя выше 18 рублей.

Несомненно, значительно лучше, чем у кулаков и вообще у крестьян, обстоит в совхозах с условиями труда в смысле продолжительности рабочего дня. Летом в большинстве совхозов применяется *десятичасовый* рабочий день, то есть, более чем на два часа короче средней продолжительности работы батраков в крестьянских хозяйствах. При этом в совхозах за 2 часа сверх восьми устанавливается обычно дополнительная оплата. Можно полагать, однако, что надлежащее регулирование дополнительного краткосрочного или срокового найма в определенные части сельскохозяйственного сезона позволило бы совхозам обойтись без превышения нормального восьмичасового рабочего дня. Вопрос об этом должен быть теперь же практически проработан и решен, особенно в связи с происходящей *механизацией совхозов*, с решенным постепенным осуществлением

в *промышленности* семичасового дня и с резолюцией партс'езда о строжайшем соблюдении впредь *в кулацких* хозяйствах Кодекса законов о труде, то есть восьмичасового дня (вместо бывшего у них 12-часового). Всякий понимает невозможность, чтобы у кулаков полтора миллиона батраков работало по 8 часов, а у нас в совхозах 600 тысяч в то же время рядом по 10 часов.

Организованность совхозских рабочих в профсоюз выше, чем у батраков крестьянских хозяйств, но еще весьма далека от полного охвата. Поражает исключительно малое вовлечение совхозских рабочих в партию. Это относится, впрочем, ко всему сельскохозяйственному пролетариату в целом. Мы видели, что в определенно пролетарскую часть сельскохозяйственного населения в 1927 г. входит около 1.700 тысяч срочных рабочих, около 300 тысяч длительно занятых батраков с поденной формой оплаты и около 600 тысяч совхозских рабочих, а всего около 2.600 тысяч человек. К этому надо еще прибавить, как увидим, около 300 тысяч пролетарской части работников леса и, как мы видели уже, около 300 промысловых и т. п. наемных работников кулацких хозяйств. Получается целая армия пролетариев *свыше трех миллионов человек*, вовсе не имеющих или почти совершенно не имеющих иного занятия, кроме работы по найму. И вот, если не считать должностных лиц профсоюза, то из всей этой трехмиллионной массы в партию вовлечено было только около *десяти тысяч*. Наши местные организации не знали, не поняли, какое орудие влияния на деревню могла получить партия путем вовлечения в свой состав определенно пролетарской части батрачества. Хозяйствующих крестьян вовлечено в партию в несколько раз больше, чем батраков. Участие батраков (включая

в это понятие и совхозских рабочих и т. п.) в сельсоветах, в управлении потребительскими кооперативами и т. п. незначительно и совершенно не соответствует даже простой их численности. Недостаточная плановость построения потребительской кооперативной сети в деревне сказывается в том, что порою потребительских лавок не бывает как раз в пунктах крупного скопления совхозских и крестьянских батраков. И так далее.

Резолюция 15 партс'езда требует положить решительный конец всей этой практике недостаточного внимания и *недооценки батрачества*. С особой силой подчеркивая первоочередность вовлечения сельскохозяйственных пролетариев в деревенские парт'организации, в сельсоветы, в институт делегаток и т. д.—предложенная пленумом ЦК партс'езду резолюция укрепляет тот поворот внимания в эту сторону, который начал уже постепенно проводиться и до с'езда и для которого уже созрели и об'ективные условия, и наши организационные возможности.

9. Рабочие леса.

Работники леса распадаются на следующие группы: 1) рабочие и служащие лесничеств, 2) лесорубы, 3) сплавщики, 4) рабочие по углежжению, смолокурению и т. п.

В государственных лесничествах в июле 1926 года было занято служащих 14,5 тысяч человек, постоянных рабочих—68,4 тыс. и сезонных, сроковых и поденных—5 тысяч, а всего 88 тысяч человек. Это по данным профсоюза на 1 июля 1926 г. ЦСУ в своем исчислении принимает пролетарскую часть их в 84 тысячи человек, отбрасывая почти всю группу «сезонных, сроковых и поденных», как не принадлежащую в данном случае в своем подавляющем большинстве к живущей, главным

образом, наймом части населения. Для 1927 г. никакого роста персонала по этой части не принято (в соответствии с данными в свое время бюджетными директивами).

Своеобразие оплаты труда части занятого в гослесничествах персонала заключается в том, что некоторые, на ряду с денежной частью зарплаты, получают от государства на время найма еще надел (для коровы, для огорода, для посева) и являются своего рода «работниками с наделом». Право пасти свой скот в лесу и т. п. является здесь натуральной частью всей фактической суммы заработной платы.

На лесорубных и лесосплавных работах занято по найму всего около 1.600 тысяч человек. Но подавляющая их часть либо является крестьянами середняками (нанимается в лес со своей лошадью рубить и возить или только вывозить бревна), либо такими представителями бедняцких хозяйств, которые зимою работают в лесу, а летом в собственном сельском хозяйстве или в каком-либо промысле, иногда тоже отхожем (и потому засчитаны или в составе бедняцких хозяйств либо в промысловом населении не по лесу). Чтобы выделить *несельскохозяйственную* часть всей этой более чем полуторамиллионной массы, надо взять *только тех, кто работает по найму в лесном хозяйстве также летом*, в течение всего сельскохозяйственного сезона. Таких на 1 июля 1926 г., по материалам местных отделов профсоюза, оказалось всего 314 тысяч человек, менее одной пятой части всех лесорубов и сплавщиков. По местным обследованиям (Костромской губернии и др.) ЦСУ принимает, что из них только 225 тысяч человек относится к определенно пролетарскому населению без собственного крестьянского хозяйства, без

посева (или почти без посева), без рабочего скота и без пахотного инвентаря. Для 1927 г. определить степень прироста сейчас невозможно по отсутствию пока отчетных данных, и потому условно принимается та же самая величина, несмотря на рост лесных операций. Так что и здесь мы имеем, несомненно, некоторое преуменьшение.

Число наемных рабочих в смолокурении, углежжении и тому подобных отраслях лесного хозяйства в настоящее время вовсе не установлено. Известно, что в этих областях наемный персонал имеют кулаки и кооперация и некоторые госорганы. Но ЦСУ не могло дать комиссии СНК об этом каких-либо цифровых данных. А потому все эти лица вовсе не включены в подсчет. Если бы кто-либо думал, что слишком высоко принято в 100 тысяч человек число занятых по найму в главе шестой (охота, рыболовство, торговля, извоз, лжекооперация),—для чего, впрочем, нет оснований,— то пробел в сведениях по лесным промыслам может служить компенсацией.

Общее количество *определенно пролетарской* части наемных работников в лесном хозяйстве ЦСУ устанавливает таким образом для 1927 г. около 310 тысяч человек. Мы принимаем кругло 300 тысяч, оговаривая вероятную преуменьшенность этого подсчета. Из остальных лесных рабочих 100 тысяч заведомо относятся к *полупролетарской* части (работающие в лесу по найму *летом* с наличностью в их семье собственного бедняцкого сельского хозяйства). Остальные около 1.300 тысяч человек, занятые только зимой (или зимой и осенью) относятся отчасти к бедняцким, отчасти к середняцким слоям (поскольку имеют лошадь), но не к определенно пролетарскому населению.

III. Итог и распределение.

Общее количество *физических лиц*, занятых по найму в сельском и лесном хозяйстве государства и частных лиц и обществ (а также в переборочных и т. п. предприятиях деревенских кулаков) составляло таким образом в 1927 г. довольно внушительную величину. В целом получается около 9.500 тыс. физических лиц, бывающих занятыми в течение года некоторое время по найму. Это составляет почти одну десятую часть *всего* или одну седьмую часть работоспособного сельскохозяйственного населения страны (если вычесть из него часть, систематически нанимающую сроковых рабочих). Разумеется, степень заинтересованности разных семей в найме различная, разный и срок найма, и все эти временные и постоянные батраки не распределены равномерно по всем семьям. Но все же это сопоставление дает представление о распространенности отношений найма: из каждых семи работоспособных людей сельскохозяйственного населения, будь то подросток, «домашняя хозяйка» или старик,—один в течение года тот или иной срок обязательно побывает батраком в сельском или лесном хозяйстве или в деревенском кулацком хозяйстве вообще.

Всю массу в 9½ миллионов батраков надо распределить на три части. Первая часть — определенно *пролетарский* элемент. Вторая часть — полупролетариат, входящий в состав *бедняцких хозяйств*, а не в состав пролетарского населения. Третья часть—краткосрочный наем отдельных членов бедняцких и середняцких хозяйств (и работа по найму в лесу середняков с лошадью). Для 1927 г. согласно всем приведенным сведениям получаем следующий итог (в тысячах рабочих):

	Пролетарии.	Полупролетарии.	Прочие.
Промыслы, торговля и т. д. . .	300 тыс.	50 тыс.	—
Лес	300 »	100 »	1300 тыс.
Совхозы	600 »	—	200 » *).
Сроковые сельскохоз.	1700 »	800 »	200 »
Поденные сельскохоз.	300 »	700 »	3000 »
	3200 тыс.	1650 тыс.	4700 тыс.

Основной группой являются здесь 3.200 тысяч человек длительных рабочих определенно пролетарского типа. Комиссия ЦСУ при подсчете пролетарской части сельскохозяйственных рабочих в 1927 г. также приняла величину в 3.200 тысяч человек, хотя и не делала накидку 20% на пролетарскую часть сроковых рабочих (на недоучет сельсоветами). Это совпадение итога при такой оговорке в основном об'ясняется тем, что в подсчет комиссии ЦСУ включены *безработные*, каких я не принял во внимание. Между тем среднегодовое количество одних только безработных членов профсоюза сельхозлесрабочих составило 142 тыс. чел. в 1925/26 г.

На каждого батрака, входящего в состав этих 3.200 тысяч человек, считая его самого, приходится 1,8 человек, живущих на его заработок. Величина эта установлена ЦСУ согласно данным весеннего опроса и собранных бюджетов. Средняя величина такой пролетарской сельскохозяйственной семьи по ЦСУ

*) Эти 200 тысяч мы не можем распределить между полупролетариями и прочими. В строках «сроковых и «поденных» сельскохозяйственных рабочих не показаны те из них, какие заняты в совхозах.

составляет $3^1/_2$ человека (взяты все бобыли и семейные и выведена средняя). Таким образом, каждая семья этого пролетарского слоя отпускает в наем в среднем почти двух работников. Всего на этот слой сельскохозяйственного населения, считая зарабатывающих вместе с их иждивенцами, приходится в 1927 г. по подсчету ЦСУ 5.760 тысяч человек. Это составляет как раз 5,2% *всего сельскохозяйственного населения страны.*

В качестве контрольной цифры для проверки этого расчета ЦСУ, совпадающего вполне *в конечном итоге* с приведенным мною расчетом, [1]) приведу данные весеннего опроса 1927 г., произведенного ЦСУ 1 мая 1927 г., сообщенные правительственной комиссии членом коллегии ЦСУ т. Немчиновым. При этом опросе был поставлен вопрос, для каких семей *работа по найму* в сельском и лесном хозяйстве и в местных промыслах является *главным источником существования* (не только *денежного* дохода, но *всего* бюджета семьи, включая все натуральные и иные поступления из собственного хозяйства, если такое есть). До конца октября 1927 г. ЦСУ получило итоги опроса на 1 мая 1927 г. по следующим территориям, по которым приводим, согласно этому опросу, процент определенно пролетарского населения (без полупролетариата):

---

[1]) Методология упоминаемого мною расчета ЦСУ была совместно с ЦСУ подробно разработана правительственной комиссией в составе М. Фрумкина, Л. Крицмана, Ю. Ларина, С. Струмилина и др., а самые подсчеты ЦСУ были затем, по поручению высших органов, проверены и утверждены особой комиссией в составе т.т. Пашковского (зампред. ЦСУ СССР), С. Струмилина (Госплан) и Ю. Ларина (Комм. Академия) 25 октября 1927 г.

	Проценты
Горнозаводский Урал	4,6
Зауралье	4,8
Предуралье	2,3
Саратовская губерния	3,0
Курская губерния	1,1
Тульская губерния	1,43
Армавирский округ	4,6
Кубанский округ	6,0
Сальский округ	7,7
Донецкий округ	6,2
Шахтинский округ	6,1
Крым	15,0
Оренбургская губерния	4,2

Средняя взвешенная, по подсчету т. Немчинова, получается как раз около 5 процентов, как и по приведенным выше расчетам, основанным не на весеннем опросе 1927 г., а на данных о численности пролетарской части батраков по отдельным их разрядам в 1926 г. и 1927 г.

Что касается остальных 6.350 тыс. физических лиц, бывающих в течение года некоторое время занятыми по найму в сельском и лесном хозяйстве, то они относятся преимущественно к членам бедняцких хозяйств, отчасти к середнякам (в том числе все занятые по найму с лошадью в лесу). Повидимому, не будет большой ошибкой считать, что из них не менее 4 миллионов человек приходится на членов бедняцких хозяйств и не более чем два с третью миллиона — на членов середняцких семей.

Бедняцкие хозяйства, где собственное сельское хозяйство является для семьи основным источником существования, отпускают *кроме того* на сторону в наем около миллиона так называемых не сельскохозяйственных сезонников - в промышленность, в строительство,

на транспорт, в том числе водный, в города и курорты в качестве сезонной прислуги и т. д. Всего из деревни (по тем же сведениям и расчетам ЦСУ) отпускалось в 1926/27 году в несельскохозяйственные занятия внаймы на срок полгода и более около 2.800 тысяч сезонных рабочих (кроме занятых в лесу). Но из них 1.800 тысяч человек приходится на такие живущие в деревне семьи, для которых несельскохозяйственный сезонный отход является основным занятием, главным источником существования (а не только денежнаго дохода). Эти 1.800 тысяч человек, хотя и живут зимой в деревне (вместе с их иждивенцами по подсчету ЦСУ их почти 3 миллиона человек), но вообще не входят в состав земледельческого населения и потому не относятся к группе «бедняцких хозяйств». Под бедняцкими хозяйствами имеются в виду такие имеющие собственное сельское хозяйство семьи, которые, хотя и отпускают кого-либо из членов своей семьи на более или менее длительные заработки, но основной источник существования семьи имеют все же в своем бедняцком сельском хозяйстве.

На эти бедняцкие хозяйства сельскохозяйственной части населения современной деревни приходилось в 1927 г., как было уже указано, примерно, около 1 миллиона несельскохозяйственных сезонников и около 4 миллионов среднесрочных и краткосрочных сельскохозяйственных батраков и лесных рабочих. Всех бедняцких хозяйств в 1927 г., по тому же подсчету ЦСУ, было около 5.200 тысяч дворов с населением несколько более 22 миллионов человек (средний состав бедняцкой семьи ниже среднего числа членов в крестьянской семье вообще). Иначе сказать, почти на каждую бедняцкую семью приходится отпуск в течение года на тот или

иной срок одного батрака или иного временного рабочего. Удивительного в этом мало: на то эта группа и называется «полупролетарской», — хотя и имеет основной источник существования в своем «бедняцком» сельском хозяйстве, осуществляемом путем найма чужого рабочего скота и нередко чужого инвентаря.

Если взять всю работоспособную часть этого *«бедняцкого» населения* (считая и подростков, всех женщин и т. д., всего около 70% от его числа), из нее *каждый третий человек* бывает в течение года тот или иной срок работником по найму. Если же взять все *середняцкое* работоспособное население (тоже 70% от его числа), то из него в течение года бывает тот или иной срок работником по найму только, примерно, *один человек из двадцати трех.*

По весеннему опросу ЦСУ данные о проценте семей, для которых продажа рабочей силы является *основным* источником существования (пролетарии) и для которых она является только главным источником *денежной* части дохода (полупролетарии, т. е. члены крестьянских бедняцких хозяйств)—тов. Немчинов мог представить только по Украине (по другим районам данных об этом соотношении пока нет). Вот они (в процентах ко всем деревенским семьям).

	Основной источник существования	Главный денежный источник
Лесостепь Украины	10,2%	31,1%
Степь Украины	8,2%	20,6%
Вся Украина	9,6%	28,1%

При этом семьи с продажей рабочей силы, как «главным денежным источником» включают в свой состав и семьи с этой продажей, как «основным

источником существования». Таким образом, по весеннему опросу Украины получается, что из всех, бывающих в течение года некоторое время батраками,—около одной трети приходится на пролетариев и около двух третей на остальных. Примерно то же получилось у нас для СССР в целом (3.200 тысяч пролетариев из 9.500 тысяч всех). Поскольку Украина в целом представляет большой район с десятками миллионов жителей,—надо считать показательным, что это соотношение по прямым данным весеннего опроса в ней очень близко подходит к тому соотношению между пролетарским и частично пролетарским населением, к какому мы пришли на основании других массовых данных по указанным выше источникам.

IV. Динамика.

Наличие 3.200 тысяч человек, занятых по найму в качестве основного своего занятия в государственном и частном сельском и лесном хозяйстве (включая связанные с ними кулацкие деревенские перерабатывающие и торговые заведения)—это наличие вызывает вопрос: когда это «вдруг свалился на голову» в таком обилии подлинный сельскохозяйственный пролетариат, *не полукрестьянский* по типу? Ибо ведь элементы только «полупролетарские» мы выключили из этих 3.200 тыс. человек и поместили в особом разделе «бедняцких хозяйств».

Первый вопрос, не является ли это обилие сплошь порождением самых последних лет? Не является ли оно исключительно признаком роста капиталистического производства в сельском хозяйстве? На оба вопроса приходится ответить отрицательно. В настоящее время

ЦСУ разработана (под руководством и с утверждения упоминавшейся уже особой комиссии) *социальная структура СССР* за три последние года: 1924/25 г., 1925/26 г. и 1926/27 г. За более ранние годы данные оказались слишком шаткими и отрывочными, чтобы можно было дать сколько-нибудь надежную картину. По этой разработке оказалось, что пролетарская часть батраков, т. е. число самодеятельных лиц, нанятых в качестве основного занятия в сельском и лесном хозяйстве (и в связанных с ними кулацких деревенских заведениях) составляло:

в 1924/25 г. . . . . 2.700 тыс.
в 1925/26 г. . . . . 3.000 тыс.
в 1926/27 г. . . . . 3.200 тыс.

Если сопоставить численность всего *пролетарского* сельскохозяйственного населения страны (взяв приведенные цифры самодеятельных *с их иждивенцами*) и численность всего остального сельскохозяйственного населения страны (по той же таблице ЦСУ), то получим следующий результат (в миллионах человек):

	Пролетарское сел.-хоз. население	Остальное сел.-хоз. население	Процент пролетарского к остальному
1924/25 г.	4,9	105,7	4,67%
1925/26 г.	5,4	103,5	5,22%
1926/27 г.	5,8	104,0	5,57%

Таким образом, более пяти шестых нынешнего пролетарского сельскохозяйственного населения было в наличности уже в 1924 г. Можно ли думать, что все эти 5 миллионов пролетарского сельскохозяйственного населения появились сразу целиком за первые

три года нэпа, за 1921/1924 годы? Тогда пришлось бы признать, что за последующие три года, за 1924/1927 г.г. (как раз за те годы, на какие особенно нападает оппозиция),—процесс образования в стране сельскохозяйственного пролетариата замедлился в пять раз. Потому что за последний период (1925/1927 г.г.) прибавилось менее миллиона пролетарского сельскохозяйственного населения, а за первый (1921/1924 г.г.) «вдруг» появилось целых пять миллионов.

Делать такие выводы мог бы только тот, кто вообразил бы, что все 3.200 тысяч сельскохозяйственных пролетариев в 1927 г. характеризирует только капиталистическое хозяйство и что при военном коммунизме в деревне вовсе не было наемного труда. То и другое неверно.

Во-первых, из 3.200 тысяч пролетариев, имевшихся в 1927 г., целых 900 тысяч (около 30%) было занято в *государственном хозяйстве* (совхозы и лес). Появление и рост этой части знаменует не рост капитализма, а рост социалистического строительства. Укрепление за последние годы совхозов разных наименований (особенно расширение хозяйств Сахаротреста) сыграло в этом росте не малую роль. Развитие работы в совхозах приходится как раз на последние годы.

Во-вторых, из этих 3.200 тысяч часть приходится на пастухов (и иных рабочих) *сельских обществ, комитетов взаимопомощи и предприятий сельскохозяйственной кооперации.* Пастухи сельских обществ были и при военном коммунизме, наем их является общественным (примитивная форма массовой кооперации) и они сами работники общественные, а не отдельного предпринимателя. Появление же комитетов взаимопомощи и сельскохозяйственной кооперации и увеличение

числа занятого ими в производстве персонала, является прямо положительным признаком роста социалистического строительства и орудием борьбы против капитализма. На пролетарскую часть батраков приходится около 380 тысяч человек из всех занятых сельским обществами, комитетами взаимопомощи и сельскохозяйственной кооперацией 600 тысяч человек (согласно процентному распределению по срокам работы всех сроковых рабочих, см. главу 4).

Далее, около 300 тысяч человек падает на промысловых, торговых и прочих *несельскохозяйственных* рабочих, занятых у кулаков. Мы видели, что и сейчас часть их существует в скрытом виде: около 90 тысяч человек как «рабочие домашней системы капиталистической промышленности», по внешности формально являющиеся сельскими кустарями с собственными патентами) и и некоторое количество в качестве членов лжеколхозов (то есть той части колхозов, какая является по внешности кооперацией, а на деле маскировкой отношений найма). Совершенно несомненно, что несколько лет назад, при начале нэпа, количество таких *замаскированных* промысловых и прочих не сельскохозяйственных работников у кулаков было гораздо больше, чем теперь. За последнее шестилетие (1921/1927 г.г.) происходил постепенный процесс выявления этих замаскированных отношений найма в открытые. И все же более 100 тысяч человек и сейчас пребывают в замаскированном виде («рабочие домашней системы», лжекооперативы). Можно себе представить, насколько больше их было 5 или 6 лет назад. А если так, то окажется, что наблюдаемый за этот период рост данной группы в основной части покрывается выявлением уже существовавших, но бывших замаскированными отношений.

Я вообще не склонен верить в чудеса. В начале нэпа деревня получала мало промизделий от государственной промышленности. Спрос на кустарные изделия был высокий. Осведомленность наша о том, что делается в деревне, и контроль над этими процессами—гораздо меньше, чем теперь. Мелкие кожевенные заводики («кадушечники»), кустарные маслобойки, шерстомойки, изготовлявшие ткани светелки и т. д. работали во всю. Формально все это (поскольку об этом вообще было известно) числилось «самостоятельным трудовым кустарным производством». А фактически за спиной сплошь и рядом стоял финансировавший и организовывавший кулак. Тем более, что тогда для сельских кустарей не было вообще даже и патентов или налогов. Кулак предпочитал вкладывать свои средства в замаскированное «кустарное» производство и в спекуляцию этими изделиями (и сельскохозяйственной продукцией, перепродававшейся им от соседей городским мешечникам, позже заготовителям). Ибо расширять прямо сельскохозяйственное производство, запашку, посев путем открытого найма при военном коммунизме, отчасти и в первые годы нэпа было, действительно, неповадно. А кулак существовал и жаждал по возможности пускать свои кулацкие средства в оборот, хотя бы в осторожно замаскированной форме. *Совершенно неосновательно идиллически-слащавое изображение деревни к началу нэпа, как «деревни без кулака»*. Кулак был чувствительно разгромлен в первые годы революции, особенно в центральных частях европейской территории СССР, но все же сохранился в гораздо более значительных размерах, чем об этом иногда прямолинейно предполагают, не учитывая ряда привходящих обстоятельств. Дело вовсе не обстоит так, будто за последние несколько

лет сразу создалось 780 тысяч кулацких хозяйств, которые в 1921—1922 году, при начале нэпа, еще вовсе не существовали. Впрочем, об этом подробней особо. Пока же достаточно только отметить этот факт и вывод о том, что некоторый (хотя довольно скромный) статистический рост числа промысловых рабочих в деревенских кулацких переработочных предприятиях был за эти годы в основном лишь открытым выявлением и ранее существовавших замаскированных и неучтенных отношений промыслового найма.

На индивидуальное *сельское хозяйство* приходится таким образом только около 1.620 тысяч человек из всех 3.200 тыс. батраков, входивших в 1927 г. в пролетарскую часть батрачества (занятые не менее полугода). Но и из них часть приходится *на некапиталистический наем*. Под некапиталистическим наймом, как было уже указано, надо понимать наем трудовой семьей работника, вместо ушедшего в армию или умершего единственного мужчины семьи и в др. подобных случаях. В этих случаях хозяйство сохраняет по своей цели потребительский характер и работник замещает отсутствующего (или умершего—до подрастания детей), пользуясь тем же весьма скромным уровнем жизни, каким иначе пользовался бы ныне временно отсутствующий или умерший член семьи.

Выше мы видели, что из всех около 2.200 тысяч батраков, сравнительно длительно занятых в индивидуальных хозяйствах *в сельском хозяйстве* (1.320 тысяч сроковых, занятых не менее полугода; 300 тысяч с поденной формой оплаты, занятых также не менее полугода; 600 тыс. сроковых, занятых от трех месяцев до шести месяцев),—на кулацкие хозяйства приходится 1.370 тыс. человек. На некапиталистический наем,

следовательно, около 850 тысяч человек. Но какая часть из занятых кулаками 1.370 тысяч этих сельскохозяйственных батраков приходится на их пролетарскую часть (т. е. на батраков, занятых не менее полугода в индивидуальном сельском хозяйстве), точно сказать невозможно. Известно только, что распределение не может оказаться просто пропорциональным, ибо у кулаков сосредотачивается преимущественно наиболее длительно работающая группа. Если предположить, что некапиталистический «потребительский» наем (850 тысяч человек) делится, примерно, пополам между занятыми менее шести месяцев и занятыми не менее полугода, то для кулацкого найма из *пролетарской* части *сельскохозяйственных* батраков, работающих в *индивидуальном* хозяйстве, не менее полугода, останется для 1927 г. около 1.200 тысяч человек. А на долю некапиталистического найма из этой группы придется около 400 тыс. человек.

Некапиталистический наем есть явление сравнительно устойчивое для ряда соседних лет, не отмеченных ни войнами, ни массовыми неурожайными голодовками в крупных районах страны и т. п. Процент призванных в армию, умирающих и т. п. среди рядовых крестьянских хозяйств в 1924–1927 годах должен был быть поэтому приблизительно одинаков. Потому и для 1924—25 г. можно без большой ошибки принять ту же величину некапиталистического найма (около 400 тысяч человек). Тогда, имея в виду наличие в 1924 г. меньшего (чем в 1927 г.) количества пролетарских батраков в *государственном* хозяйстве (совхозы и леса)—получим, что *кулаки* из *пролетарской* части *сельскохозяйственных* батраков, занятых в *индивидуальном* хозяйстве, нанимали в 1924 г. около одного

миллиона человек. Прирост капиталистического найма пролетарской части сельскохозяйственных батраков к 1927 г. составляет, таким образом, примерно лишь около 200 тысяч человек. *Иначе сказать—абсолютно и относительно меньшую величину, чем вовлечение пролетарской части батрачества в государственное хозяйство.* Предположение, что из некапиталистического найма 1927 года (около 850 тыс. чел.) не половина, а больше или меньше половины приходится на наем *пролетарской* части батраков,—уменьшило бы или увеличило бы исчисление абсолютного количества пролетарской части батраков, нанятых кулаками в 1924 г. и в 1927 г., но не изменило бы того, что прирост их числа у кулаков с 1924/25 г. по 1926/27 г. составляет только 200 тыс. чел.

В 1926/27 г. произошло не внезапное появление 1.200 тысяч пролетарских сельскохозяйственных батраков в кулацких хозяйствах, а только усиление внимания партии к факту их наличия сравнительно с 1924 г. Но из них пять шестых, один миллион, были в наличии уже и в 1924 г. *Иначе сказать — последнее трехлетие принесло стране не столько рост числа занятых кулаками пролетарских батраков, сколько рост внимания партии к борьбе с кулаками.* Выше указывалось уже, что вся пролетарская часть батрачества (вместе с лесом, с кулацкими промысловыми предприятиями и т. д.) по проверенным особой комиссией расчетам ЦСУ составляла 2.700 тысяч человек в 1924—25 г. и 3.200 тысяч человек в 1926—27 г. Вот таблица, представляющая эволюцию их распределения по нанимателям за это время согласно предшествовавшему изложению (в тысячах чел.):

	1924/25 г.	1926/27 г.
1. Государственное хозяйство (совхозы и лес). .	650 т.	900 т.
2. Общественные рабочие (сельских обществ, комитетов взаимопомощи, сельскохозяйственной кооперации)	350 »	380 »
3. Некапиталистический наем рядовыми крестьянами	400 »	420 »
4. Промысловые и т. п. рабочие кулаков (явные и замаскированные)	300 »	300 »
5. Сельскохозяйственные батраки кулаков . . .	1.000 »	1.200 »
	2.700 т.	3.200 т.

Соединяя соседние группы, получаем такой результат найма пролетарской части батраков в тысячах человек по видам найма:

	1924/25 г.	1926/27 г.
Государственно-общественный	1.000 т.	1.280 т.
Докапиталистический	400 »	420 »
Кулацкий	1.300 »	1.500 »
	2.700 т.	3.200 т.

Что касается найма *непролетарской* части батраков, то он распределяется между кулацким и некулацким наймом примерно в той же пропорции, а по общей массе проработанного по найму времени вообще имеет второстепенное значение сравнительно с систематической длительной работой по найму пролетарской части деревенского батрачества.

В дальнейшем процесс вовлечения пролетарского батрачества в русло государственно-общественного хозяйства должен еще усилиться. Мы видим, что уже в 1924—1927 гг. он обгонял темп прироста найма у кулаков (около 28% в первом случае и менее 16% во втором). Между тем последнее трехлетие (1924—27 гг.) было временем *только самого начала* усиления направления государством своих ресурсов в сельское и лесное

хозяйство. Советские совхозы и государственные леса могут поглотить еще очень большое количество систематически занятой рабочей силы, и государство с каждым годом повышает свое внимание к этим отраслям хозяйства и их размах. К тому же на очереди скоро станет создание новых совхозов в многоземельных районах с редким населением, делающихся только теперь доступными с проведением новых путей сообщения (например, Семиречье, частично заново орошаемые земли среднеазиатских республик и т. д.). Комитеты взаимопомощи и сельскохозяйственная кооперация тоже только еще начали развертывать свою деятельность в последнее трехлетие. Вместе с сельскими советами (к которым все более будут переходить функции земельных обществ, как намечено резолюцией пленума ЦК к 15-му парт'езду, при чем кулаки потеряют право голоса в делах земельных обществ) — комитеты взаимопомощи и кооперация, без сомнения, смогут постепенно сосредочить в своих руках все переработочные, торговые и т. п. деревенские предприятия, принадлежащие еще кулаку (и 300 тысяч занятых таким путем у кулаков рабочих). Это облегчается как установленными уже директивами по аренде и снабжению сырьем некоторых важных категорий кулацких предприятий (как кожевенные заводики, заводики растительных масел и т. д.), так и тем, что в применении ко всему слою «рабочих домашней системы капиталистической промышленности» тут достаточно просто начать давать им заказы, снабжать сырьем и финансировать—вместо производства всех этих операций кулаком. Возможность для более усиленного приступа к этому делу открывается как раз последними решениями о государственном кредите кустарям.

Далее можно предвидеть, по мере дальнейшего хозяйственного укрепления государства, использование на новых началах *того государственного арендного фонда*, который сдается сейчас крупным нетрудовым арендаторам. Примером могут служить хозяйства *крупных овцеводов* на северном Кавказе, описанные недавно Терским комитетом партии в брошюре «Пастухи и овцеводы» (изд. 1927 г.) и т. Квирингом в «Известиях». Вполне мыслимо превращение этих предприятий (с десятком тысяч и более овец в каждом) в крупные государственные овцеводные фермы (при чем даже бывшие владельцы в некоторых случаях могли бы быть использованы при переброске в качестве подчиненных специалистов и т. д.).

При массовом внутриселенном *землеустройстве* (которое получит сильный толчок после недавнего юбилейного Манифеста ЦИК СССР)—в ряде районов освободятся значительные *кулацкие земельные излишки* (например, в Крыму). Поскольку по недостатку скота и инвентаря мелкие индивидуальные хозяйства («бедняцкие») не смогут охватить полностью эту территорию—она будет или сдаваться в аренду тем же кулакам или в известной (и все увеличивающейся части) перейдет в использование крестьянских комитетов взаимопомощи для обработки за их счет, как это уже кое-где практикуется (комитетам взаимопомощи уже передано несколько тысяч тракторов). Это означает дальнейшее вовлечение в общественное русло некоторой части тех пролетарских батраков, какие иначе заняты были бы в кулацком хозяйстве.

Таким образом, есть все основания ожидать, что происходящее уже в последние годы более быстрое и более крупное вовлечение пролетарского батрачества

в государственное и общественное хозяйство—в предстоящие годы, на основе дальнейшего хозяйственного роста страны, еще более усилится за счет отступления доли кулаков. Мы стоим здесь, как и в других отношениях, только в начале работы по экономическому преодолению кулачества *и успех этой работы будет означать не исчезновение пролетарского батрачества, а превращение его в государственно-общественное.* Все равно как уничтожение капиталистов в промышленности означало не исчезновение, а общественное преобразование использования сил промышленного пролетариата. В понимании этого заключается отличие и преимущество социалистического реализма от народнической реакционной утопии. Резолюция Центрального Комитета ВКП (б) к 15-му партийному с'езду определенно выявляет установку нашей работы в отношении батрачества и в отношении развития крупного государственного сельского хозяйства, как важную задачу постоянного характера в общей схеме строительства социализма. *Тем самым она подводит принципальную основу и под всю работу профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих в частности, и под работу местных партор анов в отношении батрачества в особенности.* Для широкого общественного мнения партии делаются ясными наличность значительного *пролетарского* слоя батраков и взгляд на пролетарское батрачество *не как на временное явление* («до уничтожения кулаков»), а как на один из постоянных, необходимых и растущих элементов самого пролетариата и всего дела построения социализма в целом.

27 октября 1927 г.

Ю. Ларин.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
I.	Лицо деревни к десятилетию Октября	3
II.	Сельскохозяйственный и лесной пролетариат	9
	1. Промышленные рабочие деревенских кулаков	10
	2. Пастухи и иные рабочие сельских обществ	13
	3. Сроковые, месячные и годовые рабочие индивидуальных крестьянских хозяйств	13
	4. Социальный состав крестьянских сроковых батраков	16
	5. Рабочие с поденной оплатой в индивидуальных крестьянских хозяйствах	22
	6. Охота, рыболовство, извоз, торговля, лжекооперация	26
	7. Рабочие кулацких хозяйств	27
	8. Рабочие совхозов	37
	9. Рабочие леса	41
III.	Итог и распределение	44
IV.	Динамика	50
	Оглавление	62

29973

20 коп.

2015147772